

Л.В. Митрошенкова, С.В. Львов

ОЧЕРК ИСТОРИИ ОСОБОГО КОМИТЕТА ПО УСТРОЙСТВУ В МОСКВЕ МУЗЕЯ 1812 ГОДА

Высочайше утвержденный Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года¹ (далее - ОК) был тем учреждением, которому, по мысли организаторов, надлежало создать центр хранения, изучения и популяризации памятников эпохи 1812 года, а также любой информации, имеющей к ней отношение. Опыт столетней давности, пусть и нереализованный полностью, особенно актуален сегодня, когда деятельность многих уже существующих музеев определяется начавшейся подготовкой к 200-летию первой Отечественной войны.

В данной работе на основе анализа опубликованных и неопубликованных протоколов заседаний ОК и его комиссий излагается динамика его деятельности, выявляются ее главные направления и наиболее значимые проблемы. В результате появляется возможность в самом общем виде оценить деятельность ОК за 10 лет его существования. Это, в свою очередь, может стать основой для дальнейшего подробного изучения различных аспектов, направлений и отдельных хронологических периодов истории масштабного, но так и нереализованного проекта - Музея 1812 года.

Историография темы невелика и исчерпывается известной работой А.М. Разгона², статьями сотрудника отдела письменных источников Государственного Исторического музея (далее - ОПИ ГИМ) доктора исторических наук Ф.А. Петрова и академика живописи Т.Ф. Са-варенской³. Названные авторы касались преимущественно истории предполагавшегося строительства здания музея, не освещая самой деятельности Комитета. Наиболее подробные, на сегодняшний день, сведения по этой проблеме содержатся в статье Ф.А. Петрова, посвященной обзору документов по истории Отечественной войны 1812 года в ОПИ ГИМ⁴. Необходимо отметить, что и структура, и основные вопросы деятельности ОК охарактеризованы в этой работе лишь обобщенно и поэтому - несколько не точно. Отдельными вопросами истории Особого комитета занимается

старший научный сотрудник Государственного Исторического музея Е.М. Букреева⁵.

История создания ОК довольно подробно описана в «Кратком очерке возникновения Музея Отечественной войны 1812 года в Москве», опубликованном во втором годовом отчете⁶. Приведем основные даты.

Еще в 1902 г. по высочайше утвержденному докладу военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина была создана комиссия под председательством генерала Н.Н. Обручева по разработке вопроса об образовании в память войны 1812 года военного музея. Комиссия разработала и опубликовала развернутую программу будущего музея, которая предусматривала собирание и экспонирование материалов с древнейших времен и до современности⁷.

Первый денежный взнос в размере 50 тыс. руб. на создание Музея 1812 года (точнее - «зала 1812 года», а также «приюта для детей офицеров тех частей Московского гарнизона, кои принимали участие в Отечественной войне») был сделан коммерции советником Иваном Андреевичем Колесниковым 19 марта 1903 г. во время инвалидного концерта в Москве, в Большом театре.

Безвременная кончина генерала Обручева, а затем война с Японией и события 1905-1906 гг. на время приостановили реализацию задуманного проекта. Но, как пишет А.М. Разгон, «причины, породившие самую идею создания музея, не перестали существовать, и в 1907 году снова была предпринята попытка гальванизировать забытые проекты»⁸. 25 января 1907 г. полковник Генерального штаба Владимир Александрович Афанасьев отправил в редакцию «Русского инвалида» письмо о необходимости устройства Музея 1812 года. Письмо не было опубликовано, но инициировало «в высших установлениях» возобновление интереса к созданию Музея 1812 года, и в том же году указом от 30 июня был создан Комитет по подготовке Русского военно-исторического музея под руководством члена Государственного совета генерала от кавалерии Н.Н. Сухотина. Комитет подготовил развернутые «Соображения по сооружению Русского военно-исторического музея», вызвавшие оживленную дискуссию в прессе, но далее этого продвинуться не смог⁹.

В августе 1907 г. в газете «Голос Москвы» появилось несколько статей о необходимости создания Музея 1812 года в первопрестольной столице. Гласный Н.А. Шамин внес в Московскую городскую управу 27 августа заявление о желательности устройства такого музея на средства города.

Причем «более подходящим местом» для него Ша-мин считал «ближайшее к станции "Кутузово" московской Окружной железной дороги, где невдалеке находится известная историческая изба, в которой происходил под председательством фельдмаршала Кутузова военный совет 1812 года»¹⁰. Уже 4 сентября Московская городская дума постановила «возбудить ходатайство о том, чтобы музей в память Отечественной войны 1812 года был воздвигнут именно в Москве». Особенно активно эту мысль развивал полковник Афанасьев. В начале сентября была опубликована его известная брошюра «Где быть Музеем 1812 года?»¹¹. Осенью того же года В.А. Афанасьев несколько раз выступал с речами на эту же тему в различных собраниях.

Записка В.А. Афанасьева о Музее 1812 года была заслушана на заседании Особой комиссии под председательством генерала от инфантерии В.Г. Глазова в штабе Московского военного округа 5 ноября. Ее решили представить государю императору, приложив для наглядности эскизный рисунок возможного здания на фоне храма Христа Спасителя, выполненный архитектором этого храма И.И. Поздеевым. Записка и эскиз, поданные московским генерал-губернатором и командующим войсками генерал-лейтенантом С.К. Гершельманом, удостоились одобрения Николая II. И уже 26 января 1908 г. состоялось высочайшее повеление об учреждении Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года под председательством В.Г. Глазова. Стать членами Комитета были приглашены лица, «известные своими трудами по истории 1812 года», представители от войск, города, земства, дворянства, Министерства императорского двора, Румянцевско-го и Исторического музеев, архивов Министерства иностранных дел и юстиции, Археологического института, Императорского русского военно-исторического общества, т. е. те, чей опыт, знания и служебное положение могли реально быть использованы в деле создания музея.

Всю работу по ведению делопроизводства возложил на себя В.А. Афанасьев. С начала марта в его частной квартире в вечерние часы активно проводилась подготовка к первому заседанию ОК, которое и состоялось 19 марта 1908 г. в здании штаба Московского военного округа.

Первоначально к работе в ОК было приглашено 19 человек, но к концу года его состав расширился до 27 членов, а в последующие годы - до 38. Официально были утверждены также три иностранных корреспондента (во Франции - барон де Бай (1908 г.), в Голландии - Ван Зон (1909 г.), в Германии - Отто Кунке (1911 г.)¹²) и уполномоченный в Москве - гласный

Московской городской думы Н.А. Шамин (1913 г.). По разным причинам несколько членов прекратили свою работу в ОК еще до его закрытия, но официально процедура исключения прописана не была. Реально в каждом заседании Комитета участвовало не более 15-16 человек, а в годы войны - по 7-12 человек. Причем председатель - генерал Глазов - лишь первый год участвовал в заседаниях ОК регулярно. Позднее, перебравшись на жительство в Санкт-Петербург, он приезжал на заседания ОК лишь в случаях, настоятельно требовавших его присутствия, а после начала войны не приезжал ни разу. Большинство членов ОК служили в различных государственных учреждениях, и участие в работе по созданию Музея 1812 года было для них дополнительной (иногда обременительной) обязанностью.

Основные вопросы своей деятельности ОК решал на общих заседаниях. Повседневной организационной работой занимался секретарь, которым на первом же собрании (без баллотировки) был избран В.А. Афанасьев. Он же руководил канцелярией, в которой первоначально трудился всего один делопроизводитель. В обязанности делопроизводителя входило ведение протоколов заседаний и переписки Комитета, объем которой так быстро рос, что вскоре были наняты журналист (для ведения протоколов) и несколько писемоводителей.

Процедура составления протоколов, насколько можно видеть из сохранившихся документов, была такова. Во время заседания делопроизводитель (а затем журналист) вел записи всех выступлений, которые потом переписывал, правил и отдавал на проверку секретарю. В.А. Афанасьев внимательно прочитывал черновой вариант и тщательно его редактировал, внося не только стилистическую, но и смысловую правку, добываясь сглаживания или подчеркивания тех или иных принципиальных моментов. Уже в первый год деятельности ОК было принято решение о публикации журналов его заседаний и протоколов заседаний Исполнительной комиссии (далее - ИК). Но полковник Афанасьев и его сотрудники и до этого отчетливо сознавали, что заняты делом, имеющим историческую значимость, и ответственны перед потомками за все принятые и не принятые решения. После правки Афанасьева протоколы перепечатывались. Их зачитывали и утверждали на последующих заседаниях, при необходимости внося дополнения или изменения.

Все означенные выводы сделаны по наблюдениям над сохранившимися черновыми вариантами протоколов и при сопоставлении их с текстами, опубликованными в годовых отчетах музея.

В восьми книжках годовых отчетов ОК (1909-1916 гг.) опубликованы протоколы 37 общих заседаний и 61 заседания ИК, два протокола Строительной комиссии, а также несколько протоколов совместных заседаний Строительной комиссии и ИК, Комиссии по созданию панорамы «Бородино» и ИК. Большинство протоколов имеют черновики (некоторые - не один), отложившиеся в фонде ОК в ОПИ ГИМ. Не были опубликованы протоколы заседаний Ревизионной комиссии, заседаний Комиссии по панораме «Бородино». Не изданными остались также журналы пяти последних общих заседаний (38-42) и протоколы семи последних заседаний ИК (62-68) за 1916-1919 гг.

Не занимаясь, в принципе, разработкой теоретических вопросов музейного дела, члены ОК посвящали свои занятия следующим проблемам:

- 1) организационные вопросы;
- 2) научно-фондовая работа (комплектование, описание, каталогизация);
- 3) выставочная деятельность;
- 4) строительство здания музея (или приспособление под Музей имеющегося здания);
- 5) создание панорамы «Бородино»;
- 6) вопросы, ныне, как правило, входящие в компетенцию специалистов по связям с общественностью;
- 7) вопросы, связанные с подготовкой к празднованию 100-летней годовщины Отечественной войны 1812 года;
- 8) научная деятельность, посвященная истории Отечественной войны 1812 года;
- 9) финансовые вопросы.

В разные годы приоритеты отдавались различным направлениям работы, что отчетливо зависело от общеполитической обстановки в стране.

Разумеется, подобной терминологией члены Комитета не пользовались и никакой последовательности в обсуждении вопросов не придерживались. Но для удобства изложения мы будем использовать предложенную выше условную систематизацию.

На протяжении всего периода деятельности ОК его заседаниям были присущи следующие общие черты.

- Обсуждение вопросов проходило в максимально демократичной обстановке. Возможность высказаться получали все желающие, мнения не согласных с принятым большинством голосов решением обязательно учитывалось и записывалось.
- Члены ОК, относившиеся к различным слоям общества, имели разный уровень исторических знаний по эпохе 1812 года, различный опыт в области музейного, строительного и инженерного дела, но при этом (в большинстве своем) обладали высокой самооценкой и значительной степенью ответственности. Результатом такого сочетания часто становился отказ от принятия определенного решения, если мнения по тому или иному вопросу сильно расходились.
- Заседания ОК, проходившие в сложной обстановке нарастания в стране политических страстей, касались только вопросов собственной компетенции. Никаких признаков принадлежности кого-либо из его членов к какой-либо партии по текстам протоколов усмотреть не удалось.
- При всем разнообразии мнений практически по всем обсуждавшимся вопросам, заметно общее понимание роли создаваемого музея не только как центра хранения, изучения и популяризации памятников, но и как единого информационного центра по эпохе 1812 года. Анализ основных тем заседаний ОК проводится в данной работе

в соответствии с принятой Комитетом собственной периодизацией по годам деятельности (с 19 марта 1908 г.) и позволяет выделить внутренние приоритеты в отношении поставленных задач, их иерархию и динамику.

Первый год, 19 марта 1908 - 19 марта 1909 г.¹³

Состоялось пять заседаний Особого комитета, шесть заседаний Исполнительной комиссии.

При создании ОК, прежде всего, необходимо было решить ряд *организационных задач*, к числу которых относилась и концепция будущего музея. На первом заседании 19 марта 1908 г. обсуждались и были приняты предложенные Афанасьевым: программа будущего музея, проект воззвания к обществу и примерная форма подписного листа на сбор средств по всей империи для сооружения Музея 1812 года, а также «главные основания устройства» исторической выставки (которую признали необходимым провести в ближайшее время). Для решения наиболее важных, не терпящих отлагательства вопросов и для подготовки их к обсуждению на общих заседаниях уже 19 марта 1908 г. была создана Исполнительная комиссия.

Почти весь период деятельности Комитета в нее входили председатель, секретарь и четыре избранных открытой баллотировкой члена.

Для осуществления постоянного и четкого учета пожертвований (деньгами и предметами), активно поступавших с первых месяцев работы ОК, была организована Ревизионная комиссия в составе трех человек.

На общих заседаниях обсуждались вопросы о приеме новых членов, приглашении иностранных корреспондентов, порядке ведения переписки, условиях найма помещения для канцелярии и разделении обязанностей по ведению «секретарской» и «казначейской» части.

Научно-фондовая работа Комитета в первые годы его существования почти полностью исчерпывалась деятельностью по комплектованию фондов будущего музея. Оно началось с первого же заседания¹⁴, что вызвало вопрос о принципах комплектования, не раз обсуждавшийся и впоследствии. Для более точного ориентирования общественности по вопросу о памятниках, в первую очередь интересующих ОК, был составлен перечень предметов, включенный в текст воззвания музея¹⁵.

Дары, предлагаемые музеем частными лицами и различными государственными учреждениями и общественными организациями, рассматривались, как правило, на заседаниях ИК, а затем (если признавались заслуживающими внимания), на общих заседаниях. Дарителям выражали благодарность от имени ОК на особых бланках с утвержденным текстом и воспроизведенной подписью председателя Комитета. Если предложенные предметы не интересовали Комитет или если владелец просил за них слишком высокую цену, предложение вежливо отклонялось. Почти всегда при этом владельцы просили предоставить Комитету фотографии предметов.

С самого начала в состав будущих музейных фондов предполагалось включить часть коллекции члена ОК П.И. Щукина, которая состояла из предметов эпохи Александра I (хотя вся коллекция Щукина была уже передана Императорскому Историческому музею). Вопрос об этом поднял на одном из первых заседаний сам Щукин, поддержавший соответствующее ходатайство ОК перед руководством Исторического музея.

Другой член ОК И.Х. Колодеев выразил твердое намерение передать музею свою уникальную библиотеку по эпохе наполеоновских войн, что не раз становилось предметом обсуждения. В силу ряда объективных обстоятельств передача библиотеки затянулась на несколько лет¹⁶.

Списки поступлений в фонды будущего музея периодически публиковались в некоторых газетах, соглашавшихся делать это бесплатно, а также в годовых отчетах ОК.

Порядок приема предметов и их регистрации разрабатывались на заседаниях ИК и утверждались общим собранием. Первое время предметы хранились в различных помещениях храма Христа Спасителя и в музее П.И. Щукина.

Уже на первом заседании ОК было решено в ближайшее время устроить *выставку, посвященную Отечественной войне 1812 года*. «Основные положения по устройству исторической выставки» были разработаны Афанасьевым и обсуждались на первом заседании; на втором названа желательная дата ее открытия - 25 декабря 1908 г.; на третьем избрано Бюро выставки. Вопросы, связанные с подготовкой, работой (после открытия 21 февраля 1909 г.) и ликвидацией (после закрытия 30 апреля 1909 г.) выставки, постоянно обсуждались на заседаниях ОК и ИК.

Весной 1908 г. от дирекции Русского музея поступило предложение предоставить для выставки серию картин В.В. Верещагина, но большинство членов Комитета отреагировали на это довольно холодно. Вопрос затянулся и решен так не был.

Больше всего времени в первый год деятельности ОК посвящал вопросу о *выборе места для сооружения здания Музея 1812 года*. Несмотря на указания отдельных членов Комитета на ограниченность времени и средств для сооружения нового здания, было решено отказаться от приспособления какого-либо из уже имевшихся помещений. Члены ОК были ознакомлены с эскизным проектом, составленным архитектором И.И. Поздеевым для памятной записки государю при ходатайстве Московской городской думы. Поскольку император сооружение музея в принципе одобрил, Поздеев уверился в том, что высочайшее одобрение получили также предложенное им место на площади храма Христа Спасителя (напротив его западных врат) и непосредственно сам проект здания. Однако и место, и проект не вызвали одобрения большей части активных членов ОК, что породило долгие и многословные споры. В марте 1909 г. наилучшим местом для сооружения музея был признан участок земли, принадлежавший 1-й мужской гимназии на улице Волхонке, напротив храма Христа Спасителя.

При обсуждении места для музея не раз поднимались вопросы о *сооружении на площади храма Христа Спасителя памятников* из отбитых у неприятеля в 1812-1814 гг. орудий, а также памятников императорам

Александрю I, Николаю I, полководцам Кутузову и Барклаю де Толли. Но решения по этим вопросам Комитет так и не принял.

ОК изначально занял активную позицию в отношении *подготовки к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны* в России. Афанасьев, Глазов и другие его члены считали, что участие в любых мероприятиях, посвященных юбилею - прямая задача Комитета. Газетные и журнальные публикации, прямые обращения к общественности, рассылка подписных листов, по-видимому, донесли до широкой публики эту позицию, и в адрес ОК стали поступать различные предложения и просьбы о поддержке тех или иных начинаний местных властей и частных лиц. Как правило, после обсуждения на заседаниях такие обращения бывали поддержаны. Впрочем, в 1908-1909 гг. их было еще не много.

Важным достижением *общественной* деятельности Комитета является то, что по инициативе Афанасьева удалось добиться переноса дня чествования годовщины Бородинского сражения с 27 августа (как было принято в России на протяжении всей второй половины XIX столетия) на 26 число.

Создание музея требовало значительных *средств*. И в самом начале деятельности Комитета ему было позволено открыть Всероссийскую подписку для сбора пожертвований. Текст подписного листа был утвержден после подробного обсуждения, и в начале мая 1908 г. Афанасьев при помощи чиновников канцелярии московского генерал-губернатора начал их рассылку. Этому важному делу очень способствовал московский почт-директор (и будущий член ОК) В.Б. Похвиснев, установивший (с высочайшего одобрения) для рассылки подписных листов специальные льготы. С этого момента на каждом заседании члены ОК подробно знакомились с состоянием дел по подписке. К концу первого года сумма, пожертвованная еще в 1903 г. И.С. Колесниковым (50 тыс. руб.), была увеличена почти вдвое.

Второй год, 19 марта 1909 - 19 марта 1910 г.¹⁷

Состоялось шесть заседаний Особого комитета, семь заседаний Исполнительной комиссии.

На протяжении этого периода обсуждались следующие *организационные вопросы*:

- 1) приглашение новых членов;

- 2) обустройство помещения в Потешном дворце, полученного по высочайшему повелению в конце апреля 1909 г. для нужд канцелярии и хранения вещей;
- 3) расширение штатов и финансирования канцелярии;
- 4) избрание хранителя музея (им стал генерал-майор в отставке В.А. Петров);
- 5) создание временных специальных подкомиссий для оперативного и профессионального решения наиболее важных и конкретных проблем (по определению размеров будущего музея, по исследованию грунта на площади храма Христа Спасителя, по устройству панорамы «Бородино»).

Большинство заседаний этого года проходило под руководством гражданского инженера А.П. Воронцова-Вельяминова, избранного заместителем председателя в связи с назначением генерала Глазова членом Военного совета и переездом его в Санкт-Петербург.

Вопросы *комплектования* занимали все более значительное место.

Регулярно поступали и обсуждались практически на всех заседаниях пожертвования от частных лиц и организаций (в том числе от иностранных). При помощи бывшего московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана было возбуждено ходатайство о передаче музею походной церкви императора Александра I из Виленского дворца. Дело успешно завершилось в том же отчетном году.

Несколько раз обсуждались вопросы о библиотеке И.Х. Колодеева и коллекции П.И. Щукина (их объемы должны были помочь определиться с размерами будущего музея).

Активно велась переписка о возможности передачи музею предметов эпохи 1812 года, находящихся в ведении Министерства императорского двора и в других собраниях. Было составлено специальное обращение к заведующим полковыми музеями с просьбой высылать в адрес ОК сведения об участии полков в событиях Отечественной войны и в заграничных походах 1813 и 1814 гг., о хранящихся в них предметах той эпохи. Характерно, что, высоко ценя деятельность полковых музеев, их не просили передавать в Музей 1812 года подлинные предметы.

Началось комплектование библиотеки музея справочными и периодическими изданиями, преимущественно по военной истории.

На заседаниях ИК и ОК обсуждались итоги *выставки*, прошедшей в залах Исторического музея. Как и ожидалось, прибыли она не принесла, но в

целом была признана успешной. С одной стороны, выставка показала наличие в обществе возрастающего интереса к эпохе 1812 года, с другой - поддержала и усилила этот интерес, а также способствовала росту коллекций будущего музея.

К вопросу о *выборе места для музея* пришлось вернуться: избранный весной 1909 г. участок ведомство народного образования уступить Комитету отказалось. Пришлось остановиться на первоначальном выборе небольшого по площади участка у западных врат храма Христа Спасителя, одобренном государем. Но необходимо было провести исследование грунта на месте будущей постройки: возникли опасения, что он нестабилен.

Комитет продолжал активно участвовать в мероприятиях по *подготовке к 100-летию Отечественной войны*. Причем некоторые его члены в прямом смысле получали административный ресурс, который намеревались использовать на пользу Музея 1812 года: генерал В.Г. Глазов был назначен председателем комиссии при Главном штабе по разработке вопросов о праздновании наступающих юбилеев многих событий отечественной истории, а генерал П.П. Яковлев стал главой Юбилейной комиссии Московского военного округа.

По инициативе В.А. Афанасьева при Русском военно-историческом обществе был организован Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. Одной из задач кружка было «в разных местах... отыскивать и направлять в Музей подходящие вещи»¹⁸.

В целях расширения *научных знаний* было признано полезным собирать и изучать все документы, имеющие отношение к Наполеону и его походам. Кроме того, полезным признавалось собирание и изучение карт Российской империи начала XIX в.

Член комитета В.А. Петров, разрабатывавший проект памятника из хранившихся в кремлевском Арсенале отбитых у неприятеля орудий, подготовил обширный научный труд с описанием этих трофеев. После внимательного изучения было принято решение об издании его работы. Все расходы принял на себя член ОК П.И. Шукин, а доходы от продажи предполагалось перечислить в фонд будущего музея.

Расширялась *общественная деятельность ОК*, крепили связи с представителями полковых музеев, различных местных учреждений и исследователями на местах. Велась активная переписка о сборе сведений о сохранившихся памятниках, их фотографировании и копировании, об изучении местных архивов.

По предложению Афанасьева торжества в память Бородинского сражения в 1909 г. прошли на самом Бородинском поле, и в них участие принимали представители войск Московского военного округа.

Особой задачей Комитета и образованной им специальной комиссии под председательством А.П. Воронцова-Вельяминова стала разработка вопросов, связанных с устройством в Москве *панорамы Бородинского сражения*: выбор «наиболее желательной темы» (т.е. сюжета), расчет размеров необходимого помещения и подготовка всей инженерной и финансовой документации.

В целях дополнительного *привлечения средств* членом ОК генерал-майором В.П. Никольским была разработана целая программа, рассчитанная на несколько лет и включавшая в себя устройство благотворительных праздников, спортивных соревнований и инвалидных концертов; выпуск «открытых писем» с видами Бородинского поля и фотографиями предметов из собранных коллекций (в том числе картин В.В. Верещагина). Программа была доложена императору, но он «не нашел ее удобной» и разрешения на реализацию не дал.

Подписные листы продолжали распространяться, и средства Комитета возрастали.

Третий год, 19 марта 1910 - 19 марта 1911 г.¹⁹

Состоялось шесть заседаний Особого комитета, девять заседаний Исполнительной комиссии.

На третьем году организационная деятельность ОК была уже более-менее отлажена. Утвержденная 31 мая «Инструкция Исполнительной комиссии» четко регламентировала работу этого органа. Отдельные изменения произошли в личном составе: вместо уехавшего из Москвы генерал-майора А.П. Воронцова-Вельяминова в состав ОК был включен его сын военный инженер полковник Павел Алексеевич Воронцов-Вельяминов.

На том же заседании была несколько изменена внутренняя структура ОК: отныне председатель ИК являлся заместителем председателя Комитета, и должность эту занял по общему выбору московский губернатор В.Ф. Джунковский.

Постоянное расширение деятельности ОК отразилось в решениях об усилении охраны помещений, выделении средств на проведение телефона, приглашении помощницы для хранителя музея. Для «усиления» деятельности канцелярии (точнее для грамотного описания поступавших в музей предметов и книг) к ней «прикомандировывались» специальные

сотрудники, имевшие право совещательного голоса и действовавшие на основе специально утвержденной для них инструкции²⁰. Важнейшим этапом в деятельности ОК можно считать оглашенное 22 декабря 1910 г. разрешение на допуск ограниченного числа посетителей к осмотру коллекций музея в Потешном дворце.

Комплектование музейных коллекций шло так быстро и успешно, что к концу этого года (т.е. к середине марта 1911 г.) в инвентарные книги хранителем было записано уже 1400 «номеров» (отдельных предметов или коллекций).

Комитет предпринимал попытки «целевого комплектования» материалами, интересующими его в первую очередь. Много было предложений и о продаже предметов, но покупки совершались только после тщательного осмотра и консультаций со специалистами.

Немало заботы о пополнении коллекций музея проявил лично император Николай II.

Научная библиотека получала дары от различных авторов и организаций, а также специально для нее выписывались различные справочники.

С помощью С.Н. Цветкова и своей сотрудницы В.А. Романовой В.А. Петров к марту 1911 г. смог *описать, каталогизировать* и разместить по шкафам и витринам все полученные музеем предметы. Работа велась в соответствии со специально разработанной «Инструкцией Хранителю Музея 1812 года».

Собрание музея, размещавшееся в Потешном дворце, храме Христа Спасителя и генерал-губернаторском доме, было настолько обширным и интересным, а темпы его пополнения оказались столь велики, что уже осенью 1910 г. В.А. Петров при поддержке члена комитета А.А. Бахрушина выступил с предложением организовать в 1912 г. юбилейную выставку, основой которой предстояло стать именно музейному собранию.

Это предложение показалось тем более привлекательным, что построить *здание музея* к юбилейной дате, очевидно, было уже невозможно.

Выяснением размеров здания будущего музея члены ОК занимались многие месяцы: это было необходимо для выработки условий архитектурного конкурса. Только к лету 1910 г. их удалось окончательно определить, и в конце июля от имени С.-Петербургского архитектурного общества был объявлен конкурс на проект здания для будущего Музея 1812 года.

Итоги конкурса подвели к 22 сентября, но еще раньше стало известно, что Московская городская дума решила выступить против строительства

музея на площади у храма Спасителя. Эту позицию города четко обозначил член ОК председатель Московской думы Н.И. Гучков, пригрозив даже отказом в финансовой помощи музею со стороны городских властей. После новых долгих и жарких споров на заседании ОК 23 января 1911 г. наилучшим местом для будущего музея было признано здание на Волхонке, принадлежавшее попечителю Московского учебного округа. Округ выразил решительный протест, не желая уступать здание, но у ОК больше не было вариантов, и он настаивал на своем.

Итоги архитектурного конкурса были, фактически, признаны неудовлетворительными: члены ОК особенно отметили достоинства двух проектов, но при этом признали возможным «в случае строительства нового здания» считать их только «материалом». Таким образом, все расходы на проведение конкурса оказались напрасными. Это особенно было неприятно, так как своих *средств* у ОК было мало, хотя и поступали они из различных *источников*:

- пожертвования частных лиц, учреждений и организаций по подписным листам;
- средства от продажи изданий ОК (в том числе труда В.А. Петрова о трофейных орудиях, опубликованного на средства П.И. Щукина) в Дворцовой конторе, при входе в Оружейную палату, Императорский дворец и Императорский Исторический музей;
- проценты от продажи «открытых писем с видами 1812 года», осуществлявшихся фотографом К.А. Фишером и Кружком ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года;
  - небольшие суммы, отчислявшиеся Комитету за использование изображений принадлежавших ему предметов (прежде всего картин Верещагина) в различных изданиях и сувенирной продукции. Силами членов ОК (в основном В.А. Петрова и А.А. Бахрушина) в Москве 20 марта 1911 г. был организован большой симфонический концерт из произведений, посвященных 1812 году, с участием артистов императорских театров. Средства от концерта пошли в пользу сооружения музея.

Подготовка к юбилею *Отечественной войны 1812 года* в стране разворачивалась все шире. Немалая часть работы лежала на членах ОК или шла при их участии.

Комитет давал консультации, справки или просто принимал к сведению подготовку губернскими статистическими комитетами, архивными

комиссиями или губернскими дворянскими собраниями различных сборников архивных материалов.

Комитет принимал участие или консультировал *подготовку к праздничным мероприятиям* различных организаций и ведомств.

Активизировалась работа по сбору *сведений о хранящихся в губернских, полковых и исторических музеях памятников* эпохи 1812 года.

Члены комитета занимались собственной *научной работой* по тематике Отечественной войны и собирали сведения о проведении таковой в других учреждениях.

По предложению члена ОК полковника Н.П. Поликарпова было решено начать работу *по замене мраморных досок* с ошибочными сведениями о полках и событиях 1812 года в храме Христа Спасителя.

Особо следует выделить работу по созданию *панорамы «Бородино»*. На общих заседаниях и заседаниях ИК вопросы, связанные с созданием полотна и сооружением здания, не освещались подробно, но регулярно заслушивались отчеты В.Г. Глазова, сообщавшего о ходе переговоров с художником и с различными инстанциями. 19 марта 1911 г. Глазов заявил, что контракт с художником наконец заключен и «вопрос о панораме можно считать оконченным».

Четвертый год, 19 марта 1911 - 19 марта 1912 г.²¹

Состоялось пять заседаний Особого комитета, десять заседаний Исполнительной комиссии.

Организационные вопросы на четвертом году деятельности ОК перед собой уже почти не ставил. Структура его была отлажена и работала. В связи с решением об организации юбилейной выставки в феврале 1912 г. было создано ее Бюро.

На основе положений о различных музеях (прежде всего Румянцевского) ИК разработала положение о Музее 1812 года, принятое общим заседанием ОК в ноябре 1912 г.

В комнатах Потешного дворца, где размещались принимаемые для будущего музея коллекции, дважды в неделю принимали посетителей. По поступающим заявкам было очевидно, что с приближением юбилея рос интерес к теме Отечественной войны.

Комплектование музейных коллекций по этой же причине шло нарастающими темпами. Значительные поступления были получены от государственных учреждений и императорских музеев. По распоряжению Святейшего Синода и с высочайшего соизволения в музей передавались

памятники эпохи из многих храмов. Активно работали местные отделения Кружка ревнителей памяти, способствуя пополнению музейных фондов. Богатую коллекцию оружия передали потомки коллекционера Перлова.

На протяжении всего года хранитель музея В.А. Петров с помощниками занимался *описанием и каталогизацией* поступавших предметов.

Еще осенью 1911 г. началось обсуждение программы *юбилейной выставки*, но место ее проведения - два зала Императорского Исторического музея - определилось лишь в феврале 1912 г. И только тогда была выработана концепция выставки, составлена и утверждена общая смета (включавшая издание полного каталога выставки).

Нерешенный вопрос о месте *будущего музея* с новой остротой возник в мае 1911 г. Принадлежавшее Московскому учебному округу здание получить не удалось, вместо него премьер-министр П.А. Столыпин предложил передать Музею 1812 года часть здания Арсенала Московского Кремля. Решение правительства об этом было получено Комитетом в июне 1911 г., но еще до октября на всех заседаниях велись отчаянные споры о его преимуществах и недостатках. В конце концов после подробного осмотра здания Арсенала в присутствии специально командированного из С.-Петербурга хранителя Артиллерийского музея полковника Д.П. Струкова, оно было признано пригодным для размещения Музея 1812 года. Еще через два месяца удалось выработать общий план необходимых переделок, а руководить работами (после долгих переговоров) пригласили архитектора И.А. Иванова-Шица.

Здание для размещения *панорамы «Бородино»* изначально предполагалось построить каменным²², и ожидалось, что участок для него будет выделен Московской городской думой. К июню 1911 г. стало ясно, что надежды на безвозмездное отчуждение земли не оправдались, средств, обещанных Государственной думой, ждать нужно долго, а строительный сезон уже закончился. Пришлось принять решение об аренде участка земли (предполагалось арендовать часть площади храма Христа Спасителя) для строительства временного деревянного павильона.

Члены ОК на протяжении всего этого года вели переписку об участии в торжественных юбилейных мероприятиях *в различных городах империи и на Бородинском поле.*

Сотрудники ОК продолжали вести *научную работу*: И.С. Беляев изучал исторические документы, собранные в музее; В.А. Петров - карты дорог по пути наполеоновской армии и план Бородинского сражения, снятый

французскими инженерами накануне памятной битвы. Он же давал приезжавшим из провинции офицерам и научным работникам многочисленные справки. Но большую часть заявок на подготовку научных справок, рецензий и заключений перенаправляли теперь в Круг ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года.

Периодически на заседаниях Комитета докладывалась и обсуждалась переписка с различными учреждениями и ведомствами по поводу *исправления текстов на досках в храме Христа Спасителя*, но по протоколам ОК не удалось понять причины того, почему этот, казалось бы, не вызывавший ни у кого протестов вопрос никак не решался.

Поступавшие на сооружения музея *средства* по-прежнему складывались из тех, что жертвовали по подписным листам или выделяли непосредственно различные организации и общества, а также из доходов от использования принадлежащих музею предметов. Кроме того, значительным подспорьем в преддверии выставки оказалось распоряжение московского почт-директора о невзимании платы с доставляемых в адрес ОК различных конвертов. Значительные суммы были сэкономлены благодаря приказу Министерства финансов о беспрошлинном пропуске через границу направляемых для Музея 1812 года посылок.

Официальный фотограф музея К.А. Фишер издавал почтовые карточки с видами мест, на которых происходили в 1812 г. значительные события, с изображениями предметов 1812 года и картин Верещагина, отчисляя 15% дохода с их продажи в пользу музея. Для научных изданий (по истории московского дворянства, тульского ополчения и др.) изображения предоставлялись бесплатно. Не была установлена плата и за использование материалов музея для съемок художественной картины «1812 год» фирмой А.А. Ханжонкова.

Осенью 1911 г. ОК получил уведомление о том, что из составленной Межведомственной юбилейной комиссией сметы на празднование 100-летия Отечественной войны Главный штаб вычеркнул ассигнования на сооружение Музея 1812 года. Теперь можно было рассчитывать только на собственные средства и надеяться на возможную помощь Государственной думы.

Пятый год, 19 марта 1912 - 19 марта 1913 г.²³

Состоялось шесть заседаний Особого комитета, девять заседаний Исполнительной комиссии.

Прежняя *организационная структура* ОК продолжала довольно продуктивно работать и в этом году. Для организации и наблюдения за работами по приспособлению полученного для Музея 1812 года здания Арсенала 20 апреля 1912 г. была создана Строительная комиссия, председателем которой по общей просьбе членов ОК согласился быть В.Ф. Джунковский. Но в январе 1913 г. он был назначен товарищем министра внутренних дел, оставил должность губернатора Москвы и должен был отказаться от исполнения всех своих обязанностей по ОК. Вместо него председателем ИК избрали генерала П.П. Яковлева, а председателем Строительной комиссии - начальника Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснева.

Весной 1913 г., после закрытия юбилейной выставки, стала очевидна необходимость упорядочения работы по сохранению и описанию музейных коллекций, для чего требовалось составить и утвердить в Министерстве внутренних дел Положение о Музее 1812 года и его временное штатное расписание (оба документа рассмотрены на общем заседании 19 марта 1913 г.).

К организационным вопросам, занимавшим много времени и внимания, следует отнести также: всеподданнейшее представление членов ОК государю императору во время посещения им Москвы (в мае 1912 г. на открытии памятника Александру III); попытки учредить медаль на открытие музея и добиться государственных наград для наиболее активных «жертвователей»; получение высочайших наград всеми членам ОК.

Комплектование музейных фондов шло в этот год еще более активно, чем в предшествующий. К моменту открытия выставки общая численность принятых на постоянное хранение предметов составляла около 5000 «номеров». Трудно выделить наиболее важные приобретения: все они имеют значительную историко-культурную ценность.

Особое внимание при комплектовании уделялось обсуждению следующих вопросов:

- прием «памятных» трофейных орудий, располагавшихся вдоль сенатского фаса Арсенала;
- перевозка знамен и штандартов из Казанского сбора²⁴;
- порядок приема и перевозки библиотеки И.Х. Колодеева;
- закупка музейного оборудования для размещения предметов на выставке и после ее окончания;

- упаковка, перевозка и размещение предметов в различных хранилищах после закрытия выставки;
- закупка для музея различных предметов практически прекратилась после закрытия юбилейной выставки.

Вопросы, связанные с *юбилейной выставкой*, занимали, безусловно, основное место на всех заседаниях этого года. Бюро регулярно отчитывалось о принятых им решениях по структуре и организации выставочных залов; о поступлении предметов от различных экспонентов; запрашивало дополнительные ассигнования; выносило на обсуждение порядок посещения выставки; вносило предложения о представлении к наградам «наиболее крупных жертвователей»; согласовывало сроки открытия и закрытия выставки.

Особое внимание Комитет, поневоле, должен был обратить на вопросы, связанные с выпуском выставочного каталога: этикетаж на выставке не был предусмотрен, и все « пояснения » для посетителей помещались в каталоге (который каждый желающий мог приобрести при входе). Каталог, содержащий не только перечень предметов (по номерам), но и довольно подробный рассказ о событиях Отечественной войны 1812 года, а также походов 1813-1814 гг., едва успели выпустить к сентябрю 1912 г. В ноябре Бюро предложило переиздать каталог в подарочном варианте, богато проиллюстрировав его, чтобы можно было поднести в дар императору и другим высочайшим особам. Однако решение этого вопроса затянулось, а при очередном его обсуждении, уже в марте 1913 г., неожиданно с резкой критикой содержания вступительных статей каталога выступил член ИРВИО генерал-майор П.Н. Симанский, которого поддержали некоторые члены ОК. В результате, переиздание было отложено, а оставшиеся экземпляры каталога временно сняты с продажи.

Несмотря на напряженную работу по подготовке к выставке, членам ОК пришлось довольно много заниматься и *приспособлением под музей здания* кремлевского Арсенала, точнее, его сенатского фасада, официально переданного Комитету постановлением Военного совета от 14 апреля 1912 г. К 19 июля несколько помещений этой части здания, освобожденные военным ведомством, были приняты. Другие комнаты, как выяснилось, могли быть освобождены лишь через несколько лет. Проект приспособления выделенных помещений под музей и смету на эти работы архитектор Иванов-Шиц готовил более полугода, после чего несколько месяцев смета проходила согласования, проверки и уточнения (до 19 марта 1913 г.).

Активно откликался Комитет на предложения местных учреждений об участии в *юбилейных торжествах*, хотя о степени реального участия его членов в конкретных событиях можно судить лишь косвенно: в протоколах их отчеты о поездках (если они и были) никак не отражены. Даже участие депутации ОК в торжествах 26 августа на Бородинском поле упомянуто лишь в связи с решением о покупке венка для возложения к подножию Бородинского памятника на личные средства членов Комитета.

Значимо для музея было предложение об *экспонировании* в 1913 г. в Бреславле предметов, бывших на юбилейной выставке. Вопрос об этом подробно рассматривался в заседании 23 января 1913 г., где и были разработаны условия временной выдачи музейных предметов.

Средства на сооружение музея продолжали поступать по подписным листам и от продажи музейных изданий (в том числе от написанной А.А. Бахрушиным и на его же средства изданной книги о походной церкви императора Александра I)²⁵.

Осенью 1912 г. стало известно о решении Московской городской думы выделить в 1914 и 1915 гг. по 50 тыс. руб. на строительные работы по приспособлению здания Арсенала под Музей 1812 года. Государственная дума также (по устным заявлениям некоторых ее представителей в частных беседах с членами ОК) подавала надежду на выделение государственных средств под это важное для сохранения отечественной истории дело.

Шестой год, 19 марта 1913 - 19 марта 1914 г.²⁶

Состоялось пять заседаний Особого комитета, тринадцать заседаний Исполнительной комиссии, два заседания Строительной комиссии.

После завершения юбилейных торжеств и юбилейной выставки, ОК оказался перед необходимостью решения ряда серьезных проблем, в том числе *организационных*.

Главной заботой становилось исходатайствование государственных ассигнований на содержание штата музея (9000 руб. в год) до его открытия: *своих средств* на это было недостаточно. Значительные суммы Комитет потратил на устройство юбилейной выставки, которая почти полностью окупилась, но дохода не принесла. Было понятно, что закрытие выставки повлечет дополнительные расходы. Поступление пожертвований к этому времени сократилось и вскоре должно было иссякнуть почти полностью. Строительные работы по приспособлению сенатского фасада Арсенала шли медленно и требовали все новых вложений. Это означало необходимость временного размещения музейных коллекций в помещениях других

учреждений, что влекло за собой немалые расходы. Переписка с Министерством внутренних дел о штате будущего музея шла постоянно и внимательно изучалась на всех заседаниях этого года, но вопрос пришлось отложить до решения Государственной думы (сократив запрашиваемую сумму вдвое).

Не раз приходилось возвращаться к вопросу о штатах канцелярии ОК. После закрытия выставки они были значительно сокращены, но вскоре возникла необходимость вновь их расширить.

Другие важные проблемы были связаны с утверждением разработанных Комитетом штатов Строительной комиссии и ее инструкции. Документы были переданы в Технический комитет Министерства внутренних дел, с которым на протяжении последующих лет велась безрезультатная переписка.

Довольно много времени отнимало у членов Комитета обсуждение вопросов, связанных с награждением крупных жертвователей музея, в том числе иностранцев. Изначально как-то предполагалось, что правительство будет жаловать ордена, медали и даже чины и звания за пожертвования Музею 1812 года крупных сумм и ценных предметов эпохи. Но этого не было сделано в юбилейный год, а по его завершении постепенно исчезли всякие надежды на такую возможность. Не была высочайше утверждена и медаль в память создания Музея 1812 года. Единственный орден Св. Станислава 3-й степени был пожалован французскому гражданину А. Депрею. Остальным лицам, жертвовавшим средства и памятники эпохи, императорское правительство лишь милостиво передавало свою благодарность. Комитету пришлось долго оправдываться перед обиженными заграничными корреспондентами, среди которых был и барон де Бай.

Несколько раз обсуждался вопрос о непосещении многими членами ОК его заседаний и о необходимости принятия в этом отношении каких-либо мер.

Стоит отметить, что с уходом Джунковского характер работы ИК и ее взаимодействия с ОК резко изменились. Компетенция комиссии свелась, фактически, лишь к подготовке вопросов для обсуждения на общих заседаниях. Ее самостоятельность ограничилась перепиской с местными учреждениями и частными лицами по малозначительным вопросам (составление справок, сбор информации и т.п.). В то же время на заседаниях ОК нередко принималось решение «передать» тот или иной вопрос «в Исполнительную комиссию». В этом случае комиссия снова, более подробно рассматривала указанный вопрос и затем вновь представляла его

на общем заседании. Таким образом, путь от постановки проблемы до ее решения сделался еще длиннее. К тому же часто приходилось те или иные документы передавать на согласование в сторонние организации. Общая для страны ситуация, характеризующаяся растущей бюрократизацией аппарата управления, отнюдь не способствовала продвижению дела организации Музея 1812 года.

Несколько раз приходилось возвращаться к избранию и переизбранию членов Ревизионной комиссии: работа в ней отнимала много времени и сил, требовала сугубого внимания и поэтому популярностью среди членов ОК не пользовалась.

Хотя среди членов ОК было не много людей, имевших прямое отношение к музейному делу, они всегда очень внимательно относились к вопросам *комплектования музейных коллекций, их учета и обеспечения сохранности*. Забота об историческом наследии, в том числе и творимом «руками» самих членов Комитета, проявилась, в частности, в поисках хорошей бумаги для печатания протоколов и других важных документов ОК.

Большую озабоченность у членов ОК вызвало озвученное в марте 1914 г. заявление В.А. Петрова о возможности прекращения им исполнения обязанностей хранителя музея. На протяжении нескольких лет, в течение которых он занимал эту должность, генерал-майор в отставке В.А. Петров не раз проявлял высокий уровень эрудиции и личной ответственности, здравомыслие и спокойный склад характера. Заменить его было трудно.

Комплектование музейных коллекций в 1913-1914 гг. продолжалось, хотя темпы его несколько снизились. Летом 1913 г. была, наконец, принята библиотека И.Х. Колодеева, и к октябрю составлена инструкция по ее временному хранению в генерал-губернаторском доме.

Другим существенным приобретением, получению которого члены Комитета уделяли много времени и внимания, была часть коллекции П.И. Щукина, включавшая предметы эпохи 1812 года. Передавать их в Музей 1812 года руководство Императорского Исторического музея не желало никогда, но повод для решительного отказа появился, когда при закрытии выставки 1812 года была обнаружена недостача, и именно предметов Щукинской коллекции. После тщательного внутреннего расследования выяснилось, что исчез лишь один предмет, причем частичная вина за это происшествие лежала и на сотрудниках Исторического музея, в том числе на его директоре князе Н.С. Щербатове (одном из членов Бюро выставки). В результате князь на заседаниях ОК появляться перестал, а письмо Комитета

о передаче Щукинской коллекции было направлено в адрес августейшего председателя Исторического музея великого князя Михаила Александровича.

Обеспечение сохранности предметов на выставке вызывало, надо сказать, немало замечаний. Одно из них было высказано бароном де Бай в письме графу А.А. Мусину-Пушкину. Письму был дан официальный ход, и Комитету пришлось по этому поводу подробно объясняться.

После закрытия юбилейной выставки музейные коллекции размещались в генерал-губернаторском доме (картины Верещагина и библиотеки Колодеева, Харкевича и Мартынова), на складе храма Христа Спасителя (металлические венки, привезенные с Бородинского поля после проведенных там торжеств), на складе Музея 1812 года в Потешном дворце, во вновь полученных помещениях Арсенала. Велись также переговоры с Музеем изящных искусств имени Александра III. Условия хранения в каждом из указанных помещений не раз обсуждались на заседаниях ОК.

Еще одной проблемой, имевшей отношение к обеспечению сохранности музейных предметов, была реставрация знамен из Казанского собора, продолжавшаяся с лета 1912 до конца лета 1913 г. Но время реставратором было потрачено не зря: Комитет высоко оценил его работу и даже представил к награде.

Каталог выставки 1812 года, изданный осенью 1912 г. продолжал вызывать напряженные научные споры. Суть претензий П.Н. Симанского и поддержавшего его С.А. Белокурова состояла в несогласии с некоторыми взглядами и оценками авторов предисловия и вступительных статей В.К. Божовского и В.А. Петрова. После внимательного знакомства с аргументами каждой из спорящих сторон, было решено признать справедливыми лишь часть замечаний Симанского. Первое издание каталога вновь пустили в продажу, а иллюстрированный каталог издали с небольшими купюрами, опустив наиболее спорные места.

Вопросы, связанные с приспособлением части здания Арсенала Кремля под Музей 1812 года, расценивались как наиболее важные. Как уже отмечалось, при обсуждении именно этих вопросов наиболее сильно проявлялись противоречия среди членов Комитета. Часы напролет спорили они сначала на заседаниях ИК, затем на заседаниях ОК. А дело с места не сдвигалось...

Круг обсуждавшихся проблем сводился к следующему.

1. Из всех полученных помещений можно было использовать лишь несколько комнат для размещения Строительной конторы и одну или две для хранения предметов.
2. Начало строительных работ постоянно откладывалось по следующим причинам:
  - отсутствие решения Технического комитета об утверждении инструкции и штатов Строительной комиссии;
  - невозможность ускорить вывод из Арсенала артиллерийского склада;
  - необходимость до начала работ провести подробные исследования грунта под стенами сенатского фасада;
  - недостаточная обязательность исполнителя работ архитектора И.А. Иванова-Шиц и невысокая заинтересованность в деле главы Строительной комиссии А.А. Бахрушина.

Основной темой в *переписке* ОК со сторонними организациями и частными лицами занимали вопросы, так или иначе связанные с *прошедшим юбилеем*.

Вопрос об исправлениях текстов на досках в храме Христа Спасителя обсуждался лишь однажды - 19 марта 1914 г. В.А. Афанасьев предложил создать для тщательной проверки текстов особую комиссию из специалистов. Чем, собственно, и погубил дело окончательно.

Несмотря на напряженные занятия по делам ОК и служебную занятость, полковник В.А. Афанасьев находил время для *научной работы*. 4 октября 1913 г. на заседании Комитета он сделал доклад о действиях русских войск под Лейпцигом 4-7 октября 1813 г., а 10 января 1914 г. обоснованно докладывал там же о необходимости для Музея 1812 года составить полные списки всех офицеров российской армии на 1 августа 1812 г. и 1 марта 1814 г.

Седьмой год, 19 марта 1914 - 17 марта 1915 г.²⁷

Состоялось три заседания Особого комитета, четыре заседания Исполнительной комиссии.

До начала второй Отечественной войны (так называли члены ОК первую мировую, в нашей терминологии, войну) состоялось два общих заседания и два заседания ИК. На них решались следующие *организационные вопросы*:

Возмещение расходов на разъезды выехавшему за пределы Москвы В.А. Петрову с тем, чтобы он мог продолжать исполнять должность хранителя музея.

Урегулирование вопроса с посещаемостью заседаний ОК и ИК их членами.

Обсуждение проблемы поиска трипичной бумаги необходимого качества.

После начала военных действий, членов Комитета удалось собрать лишь для годового совещания 17 марта 1915 г. На этом заседании смогло присутствовать только семь человек. Было решено, что в условиях военного времени, когда все члены ОК заняты иными, более важными делами, допустимо проводить общие заседания при любом числе участников. Вопрос о кворуме потерял актуальность и больше не поднимался. Круг обсуждавшихся организационных вопросов в сентябре 1914 - марте 1915 г определялся преимущественно начавшейся войной. Достаточно мелкие, они, однако, заслуживают внимания для полного представления о деятельности Комитета в этот сложный период. Перечислим их по степени важности (определяемой количеством затраченного на их обсуждение времени).

- временные штаты будущего музея;
- штатное расписание канцелярии ОК;
- выплата пособий семьям служащих, призванных в ряды армии;
- приветствия отправлявшимся на фронт членам Комитета П.П. Яковлеву, В.К. Судравскому и Ф.А. Уварову (а также барону де Бай как пострадавшему от оккупации);
- выражения соболезнований семьям погибших на фронте и скончавшихся в тылу (В.К. Судравского, И.Х. Колодеева, Н.П. Поликарпова);
- отказ от услуг официального корреспондента ОК Отто Кунке как германского подданного.

Вопросы *фондовой работы* занимали членов Комитета как до, так и после начала войны. Особенно много забот было в области *обеспечения сохранности* музейных предметов. Помещения, в которых размещались коллекции, требовалось постоянно проверять, многие из них не соответствовали необходимым условиям хранения (Арсенал), другие нужно было дооборудовать (подвал Музея изящных искусств), а бывшие музейные комнаты в Потешном дворце в сентябре 1914 г. пришлось спешно освободить, уступив их госпиталю императрицы Александры Федоровны. Канцелярия Комитета тогда же переехала в помещения Арсенала, что потребовало немало сил, времени и расходов.

Под руководством хранителя служащие канцелярии продолжали работы по *описанию* коллекции графики и каталогизацию библиотеки.

Работы по *приспособлению под музей* помещений Арсенала приостановились. Их нельзя было продолжать, пока Государственная дума не утвердила инструкцию и штаты Строительной комиссии и не выделила на это необходимые бюджетные средства. В условиях военного времени на внимание к нуждам Музея 1812 года со стороны государственных структур нельзя было рассчитывать. Часть комнат, уже переданных в распоряжение ОК, пришлось вновь вернуть военному ведомству.

Интерес различных общественных организаций и отдельных частных лиц к музею не угас даже при столь трагических для страны обстоятельствах. Продолжалась *переписка* об обмене предметами и информацией с различными музеями частными лицами. Канцелярия московского генерал-губернатора попыталась отказать Комитету в создании Комиссии *по исправлению текстов на досках в храме Христа Спасителя*. Но В.А. Афанасьев не собирался сдаваться, и переписка с заинтересованными организациями и ведомствами продолжалась.

Финансирование своей деятельности Комитет осуществлял по-прежнему из собственных средств. Подписные листы уже не рассылались, но отдельные пожертвования продолжали поступать.

Восьмой год, 17 марта 1915 - 17 марта 1916 г.²⁸

Состоялось одно заседание Особого комитета, три заседания Исполнительной комиссии.

В этом году Комитету практически не пришлось решать *организационных вопросов*. Обсуждались лишь несколько возможных кадровых перемещений.

В целях *обеспечения сохранности* предметы Музея 1812 года из помещений Арсенала были перевезены в храм Христа Спасителя. Туда же поместили 23 ящика с предметами эпохи 1812 года, переданными в дар музею вдовой И.Х. Колодеева О.С. Колодеевой. Пришлось выделить средства также и на вывоз картин В.В. Верещагина из генерал-губернаторского дома. Несмотря на все трудности, сотрудница канцелярии В.А. Романова продолжала работы по *описанию и каталогизации музейных предметов*.

Канцелярия ОК продолжала скитаться по различным комнатам Арсенала. Работы по его *приспособлению* не были возобновлены, и даже В.А. Афанасьев мог лишь выразить надежду, что они возобновятся после окончания войны.

Связи со сторонними организациями, обсуждавшиеся на заседаниях, сводились к информации о разрешении Министерства внутренних дел

сформировать Комиссию для *исправления досок в храме Христа Спасителя* и о ходе переписки с музеем в Императорском дворце в с. Бородине о поисках, находке и передаче в Музей 1812 года книги посетителей Инвалидного домика.

Финансовые проблемы в этом году превалировали над остальными. Подолгу обсуждались и принимались решения по вопросам:

- приобретения облигаций 2-го Военного займа;
- страхования имущества ОК;
- передачи (с соизволения его императорского величества) золотых монет и медалей, не имеющих прямого отношения к теме 1812 года, «в распоряжение Отечества» и обращение их в кредитные билеты;
- продолжения продажи изданий ОК (в том числе первого издания каталога «Выставка 1812 года») по довоенным ценам. **Девятый год, 17 марта 1916 - 5 мая 1917 г.**

Состоялось два заседания Особого комитета, три заседания Исполнительной комиссии.

Общая деятельность ОК значительно сократилась и свелась лишь к трем основным направлениям: организационное, учетно-хранительское и финансовое.

Важнейшим *организационным вопросом* было решение об изменении названия ОК. В связи с событиями февраля 1917 г. было признано необходимым убрать слова «Высочайше утвержденный» и оставить название: Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года²⁹.

В.А. Афанасьев в июле 1916 г. отправился в действующую ар-мию³⁰, и вместо него секретарем (по рекомендации самого Афанасьева) стал П.А. Воронцов-Вельяминов. В данном случае члены ОК не ограничились принятой формой выражения признательности покидающему их ряды: кроме обычного благодарственного письма, Афанасьеву был вручен пространный Адрес, поднесена икона Смоленской Божией Матери (как напоминание об иконе, которой обносили войска накануне Бородинской битвы). Кроме того, на стене канцелярии ОК был помещен его портрет в раме, к которой приделали специальную металлическую табличку с описанием заслуг В.А. Афанасьева в деле устройства Музея 1812 года³¹. После возвращения с фронта осенью 1917 г. В.А. Афанасьев занял должность председателя ИК вместо А.А. Бахрушина³², постепенно отходившего от дел в Комитете Музея 1812 года.

Вопросы учетно-хранительской деятельности в эти годы все еще занимали в работе ОК значительное место, хотя фондовые коллекции пополнялись лишь разовыми поступлениями. Несмотря ни на что, В.А. Афанасьев, В.А. Петров и их сотрудники продолжали по мере сил пополнять музейную библиотеку, для чего использовались все доступные (иногда довольно оригинальные) методы, среди которых наиболее интересным был обмен залежавшихся неиллюстрированных изданий каталога выставки 1912 г. (6600 экземпляров, весивших 348 пудов) на книги и журналы по тематике 1812 года, которые в Московском казенном винном складе собирались пустить на «сернички» для солдат³³.

Работа по составлению каталога библиотеки продолжалась по намеченной Афанасьевым программе и после его отъезда на фронт. Кроме того, Ревизионная комиссия и хранитель постоянно проверяли состояние сохранности ящиков с предметами музея в различных хранилищах. Надзора требовали и находившиеся в открытом доступе во дворе артиллерийского склада в Кремле трофейные орудия.

Финансовые вопросы не раз поднимались на заседаниях, хотя пожертвования на музей к тому времени почти полностью прекратились. Однако доходы ОК все еще пополнялись: вплоть до конца осени 1917 г. продолжали поступать проценты с капитала, вложенного в бумаги Государственного займа. Небольшие суммы выручали сотрудники канцелярии от продажи каталогов, открыток и некоторых других изданий (цены на которые регулярно повышались соответственно растущей инфляции).

Десятый и одиннадцатый годы, 5 мая 1917 - 1 июня 1919 г.

Состоялось три заседания Особого комитета, четыре заседания Исполнительной комиссии.

Каждое из заседаний в эти годы было вызвано совершенно определенными обстоятельствами, и на этот раз мы не будем пытаться отнести их к какому-либо определенному виду деятельности. Просто перечислим темы и наиболее важные решения.

Заседание ОК 19 декабря 1917 г.³⁴ было спешно собрано, чтобы дать ответ на документ, разосланный накануне Объединенным комитетом по охране памятников искусства и старины³⁵. В этом «референдуме»³⁶ сообщалось о давлении, оказываемом со стороны представителей Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, стремившегося контролировать деятельность Комиссии по охране памятников старины³⁷. После обсуждения члены ОК приняли резолюцию, в которой выражали свое

критическое отношение к требованию Совета включить в Комиссию своих представителей, но подчеркивали, что «считая, однако, себя ответственным перед потомством за сохранность памятников старины, вверенных Особому Комитету» считают возможным «в интересах сохранения памятников, пойти по этим вопросам на некоторые уступки Совету Р. и С. депутатов»³⁸.

На 65-м и 66-м заседаниях ИК (27 июля 1917 г. и 15 октября 1917 г.)³⁹ решались текущие вопросы деятельности: о налаживании отношений с новой властью, расходах на хранение коллекций, выплату жалованья и премий служащим, оплату содержания помещения канцелярии, продолжении работы над описанием коллекций, продаже открыток и каталогов и т.д.

На 67-м и 68-м заседаниях ИК (28 апреля и 16 мая 1918 г.)⁴⁰ обсуждались в основном вопросы «о дальнейшем содержании служащих Комитета Музея в связи с аннулированием государственных процентных бумаг». Большинство голосов было признано необходимым продолжать деятельность канцелярии, пока у ОК есть еще наличные средства, сократив штат служащих до одного делопроизводителя, должность которого занимала опытная сотрудница хранителя музея В.А. Романова. Обсуждались также попытки новой власти установить контроль над деятельностью ОК и возможные пути налаживания с нею дружественных отношений.

Заседание ОК 29 сентября 1918 г.⁴¹ было посвящено обсуждению дальнейшей судьбы Музея 1812 года и ОК, в связи с осмотром помещения канцелярии специальной Комиссией от Коллегии по делам музеев и охране памятников старины и искусства под председательством К.К. Романова. Содержание музейных коллекций в занимаемом канцелярией ОК помещении было признано не обеспечивающим сохранности предметов, особая комиссия потребовала перевезти их в помещение Большого дворца. Деятельностью ОК и возможностью «развертывания» Музея 1812 года в каком-либо помещении вне Кремля высказывали руководитель Отдела по делам музеев при Наркомпросе Н.И. Троцкая и И.Э. Грабарь. В качестве подходящих зданий предлагалось осмотреть некое здание «Маяк», где-то на окраине тогдашней Москвы, и здание Английского клуба на Тверской. Выразив свое согласие на открытие Музея 1812 года в здании «Маяк», ОК закрыл свое «общее заседание» (на котором присутствовало девять человек), в надежде вскоре собраться вновь.

Этой надежде не суждено было сбыться: следующее, последнее в истории ОК заседание состоялось только 1 июня 1919 г. И было целиком посвящено вопросам завершения деятельности Комитета. Переезд в другое

здание не состоялся. Часть музейных коллекций по настоянию Отдела по делам музеев при Наркомпросе уже была передана в распоряжение этого отдела, и получено извещение о необходимости передать остальное. Последнее решение, которое посчитал необходимым принять ОК перед завершением работы, состояло в избрании своим членом бывшей служащей В.А. Романовой «в воздаяние заслуг... и чтобы при передаче Музея она могла явиться представительницей Комитета».

«Афанасьев предложил в настоящем заседании, которым заключается деятельность Комитета в деле создания Музея 1812 года вспомнить прошлые труды Комитета, воодушевленные сознанием долга перед родиной и благоговейной памятью проявления великого духа Русского народа, славных подвигов его армии и ее вождя»⁴². С благодарностью вспомнили труды членов ОК, не доживших до завершения его деятельности⁴³. В.А. Афанасьев посчитал также необходимым выразить надежду «на светлое будущее Русского народа».

За 11 лет своей работы ОК сумел реализовать лишь часть стоявших перед ним задач, связанных прежде всего с собиранием, хранением и описанием памятников эпохи 1812 года.

Наиболее активные члены ОК сумели сделать его широко признанным центром информации по названной теме. Комитету удалось наладить и активно поддерживать даже в условиях войны связи с местными учреждениями, общественными организациями, музеями и частными лицами.

Здание музея так и не было построено. Не успели до войны приспособить под музей и полученные в распоряжение ОК помещения Арсенала.

Собранные путем получения пожертвований и по подписке от частных лиц, организаций и учреждений средства, были не велики и не могли покрыть расходы на строительные работы. После октябрьского переворота 1917 г. они и вовсе исчезли.

Факторы, помешавшие реализации поставленных задач, как видится, были связаны со следующими проблемами.

1. Общая так называемая демократизация управленческой деятельности приводила к потере реальных рычагов управления и делала невозможным эффективное решение сложных проблем.
2. Обвальная бюрократизация высших и центральных органов власти в стране не позволяла оперативно решать насущные задачи.
3. Комитет был создан с привлечением максимально широкого круга людей, связанных с эпохой 1812 года научной или профессиональной

деятельностью, а также чиновников, по роду службы имевших возможность способствовать созданию музея. Это привело к тому, что интересы членов ОК оказались слишком различны и никак не могли быть согласованы.

4. Во главе Комитета стоял человек, для которого создание Музея 1812 года не было важнейшим делом в его жизни. В.Г. Глазов, при всем его уме, такте и других прекрасных качествах, не мог (да и не пытался) преодолеть обозначенные выше объективные трудности. Энергии и практической хватки таких глубоко заинтересованных в результатах своей деятельности членов Комитета, как В.А. Афанасьев, П.А. Воронцов-Вельяминов, В.А. Петров, П.П. Яковлев и других, не могло хватить на преодоление многочисленных объективных и субъективных проблем. Административный ресурс, находившийся в их распоряжении, был слишком незначителен.

Фактор времени, на который часто указывают как на причину, по которой Музей 1812 года в Москве так и не был сооружен, видится всего лишь следствием указанных выше причин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Именно такое название принял на себя Комитет 9 апреля 1908 г.

² *Разгон А.М.* Очерк истории военных музеев в России (1861-1917) // Тр. науч.-исслед. ин-та музееведения. М., 1962. Вып. VII. С. 179-184.

³ *Петров Ф.А.* Музей 1812 года // *Вопр. истории.* 1988. № 2. С. 183-188; *Он же.* Музей 1812 года // *Отечественная война 1812 года: Энциклопедия.* М., 2004. С. 485; *Саваренская Т.Ф., Петров Ф.А.* Мемориальный ансамбль 1812 года // *Моск. журн.* 1991. № 5. С. 59-64.

⁴ *Петров Ф.А.* Материалы ОПИ ГИМ по истории Отечественной войны 1812 года // *Письменные источники в собрании ГИМ.* Ч. 3: Материалы по воен. истории России. М., 1997. С. 107-146.

⁵ См. напр.: *Букреева Е.М.* Иван Хрисанфович Колодеев, «знаток славной эпохи двенадцатого года» // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Междунар. науч. конф. Можайск, 9-11 сент. 2008 г. Можайск, 2009.* С. 437-449.

⁶ Годовой отчет высочайше утвержденного Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года за второй 1909-10 год. М., 1910. С. 1-8.

⁷ Подр. об этом см.: *Разгон А.М.* Указ. соч. С. 166-167.

⁸ Там же. С. 168.

⁹ См. об этом подр.: Там же. С. 169-170.

¹⁰ Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников (далее - ОПИ ГИМ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 646.

¹¹ *Афанасьев В.А.* Где быть Музею 1812 года? М., 1907.

¹² От услуг последнего Комитет официально отказался в августе 1914 г. (см.: Годовой отчет высочайше утвержденного Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года за седьмой 1914-15 год. М., 1915. С. 15)

¹³ Годовой отчет... за первый 1908-09 год. М., 1909.

¹⁴ Антикваром А.К. Ерыкаловым был предложен в дар портрет императора

Александра I в рост (см.: Там же. С. 45)

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Букреева Е.М.* Указ. соч. С. 437-449.

¹⁷ Годовой отчет... за второй 1909-10 год. М., 1910.

¹⁸ Там же. С. 35.

¹⁹ Годовой отчет... за третий 1910-11 год. М., 1911.

²⁰ Так, коллежский ассессор С.Н. Цветков был «прикомандирован» к канцелярии ОК для обработки богатого книжного собрания, полученного от вдовы генерала Харкевича.

²¹ Годовой отчет... за четвертый 1911-1912 год. М., 1912.

²² Не раз звучали предложения размещать панораму в здании будущего Музея 1812 года, но после отказа от планов строительства нового здания для музея этот вопрос отпал.

²³ Годовой отчет... за пятый 1912-1913 год. М., 1913.

²⁴ Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, знамена требовали срочной реставрации, каковая и была начата весной - летом 1912 г. К открытию юбилейной выставки несколько знамен уже были отреставрированы.

²⁵ В дни юбилейной выставки активно шла продажа каталога, различных открыток и марок, благодаря чему расходы на ее создание почти полностью окупилась.

²⁶ Годовой отчет... за шестой 1913-1914 год. М., 1914.

²⁷ Годовой отчет... за седьмой 1914-1915 год. М., 1915.

²⁸ Годовой отчет... за восьмой 1915-1916 год. М., 1916.

²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 28. Л. 36; Д. 7. Л. 126.

³⁰ Там же. Д. 29. Л. 27.

³¹ Там же. Д. 7. Л. 122-об.

³² Там же. Д. 11. Л. 428 об.

³³ Там же. Д. 28. Л. 30.

³⁴Там же. Д. 11. Л. 427-429 об.

³⁵Преобразован из Совета по делам искусств после переворота 27 октября 1917 г

³⁶Таково самоназвание документа.

³⁷ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11. Л. 418 об.

³⁸Там же. Л. 428.

³⁹Там же. Д. 11. Л. 389-390 об, 409-410.

⁴⁰Там же. Д. 10. Л. 50 об, 51-52 об.

⁴¹Там же. Л. 27-28 об.

⁴²Там же. Л. 30 об.

⁴³За время после предыдущего заседания ОК скончались 10 его членов: Ю.А. Арсеньев, С. А. Белокуров, И.С. Беляев, А.К. Варженевский, В.Г. Глазов, М.Н. Литвинов, князь Н.Н. Одоевский-Маслов, П.А. Тучков, граф С.Д. Шереметев.

